

МУЖЕСТВО ДЛЯ КАЖДОГО ДНЯ

Предисловие редактора

Много сейчас у нас в стране плакальщиков по отечественной культуре. И впрямь есть о чем печалиться. Урон, нанесенный за минувшие семьдесят лет национальному достоянию, огромен и в подавляющем большинстве случаев невосполним. Можно, конечно, построить заново храм Христа Спасителя, но это будет другое сооружение. И уже потому, что оно иное, у меня лично интереса к нему нет. Новый Спаситель мне безразличен. Лужа посреди Москвы, на месте, где некогда высился величественный собор, представляется более впечатляющим и более необходимым всем нам памятником сталинскому злодеянию. Следует установить, на мой взгляд, всего лишь памятный знак с фотографиями уничтоженного храма и с именами варваров XX в., осмелившихся поднять руку на народную святыню.

Недавно писатель В. А. Солоухин опубликовал в «Литературной газете» данные о разрушенных русских церквях. Эту цифру можно было бы здесь повторить, однако мне не удалось получить официального ее подтверждения. Но если даже предположить, что Владимир Алексеевич ошибся, что реальное число меньше наполовину, то и тогда оно чудовишно велико.

Въезду в Толедо, туристскую Мекку Испании, мешают старинные ворота. Однако испанцы нашли способ проложить современные дороги в обход средневековых ворот, оставив их в первозданном виде. Мы же в сходной ситуации предпочли напрочь снести Сухареву башню. Столь свирепое небрежение трудом и талантом предшествующих поколений — акт саморазоблачения. На подобный шаг мог решиться только хам, волею случая дорвавшийся до власти. Отличительная черта любого невежды — безответственность как перед прошлым, так и перед будущим. Он губитель культуры по своей глубинной сути, ибо не способен в полной мере осознать свое место в потоке времени. Отсюда амбиция основать «тысячелетний рейх», положить начало «новой эпохе», стремление как можно скорее утвердить себя и присных в человеческой памяти. Вот и расплзается по лику земли псевдокультура: каменные истуканы, унылые однотипные названия «Сталинабад», «Сталинград», «Сталинакерт», «Сталиногорск». Не сообразуясь зачастую со здравым смыслом, затеваются «стройки коммунизма», призванные «восславить», «отразить», «увековечить». Однако за какое бы дело не брался невежда, он неизбежно достигает результата, прямо противоположного тому, который декларировался в самом начале. Иначе и быть не может. Небрежение предшествующей культурой мстит за себя беспощадно.

Характерно, что несправедливые замыслы всегда сопровождаются пышной риторикой, всегда накрепко спаяны с ложью. И чем грандиознее замыслы, тем больше лжи. От-

Храм Христа Спасителя на Волхонке, сооруженный в честь победы русского народа в Отечественной войне 1812 г.

Взорван 5 декабря 1931 г.

кромее книгу о Москве, изданную в 1948 г. Прочтем лишь один абзац: «В сталинском генеральном плане реконструкции Москвы нашли свое яркое воплощение забота партии большевиков, советского правительства и нашего вождя И. В. Сталина о нуждах москвичей, о развитии и процветании Москвы» [1].

Ну и где он, этот процветающий город?

Сегодня тоже есть охотники убаюкать нас «правильными» речами. И мы обязаны быть настороже, обязаны распознавать за красивой фразой суть говоруна, дабы не обмануться во второй раз.

В массовом сознании урон, нанесенный культуре нашей страны, чаще всего связывается с церквями, уничтоженными либо целиком, либо доведенными до крайней степени запустения. Увы, наступление на культуру было тотальным, всеобъемлющим.

В конце 1929 г., выступая на конференции аграрников-марксистов, И. В. Сталин впервые обнародовал свой дьявольский замысел. Речь он молвил такую: мы переходим от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике его ликвидации как класса. Орудуя этим политическим ярлыком словно дубиной, произвольно обозвав кулачеством наиболее деятельную часть крестьянства, вождь натравил на миллионы самоотверженных деревенских тружеников «людей сомнительной социальной ценности», «двуногий хлам» (оба выражения принадлежат А. М. Горькому). Началась, без малейшего преувеличения, вторая гражданская война. Она достигла масштабов, угрожающих генофонду нации. Кстати, ущерб, который нанесла последнему массовое избиение крестьян, включая сюда жуткий мор на Украине, вряд ли можно восполнить и за тысячу лет. А кто способен установить сколько погибло в те годы ценностей духовной и материальной культуры? Навеки утрачены способы земледельческого труда применительно к той или иной местности, традиции семейного воспитания, многие ремесла и промыслы, способы организации повседневного быта, навыки речевого общения... То был самый сильный сталинский удар по народному достоинию и собственно народу. Опустошительному разорению подверглись основы его бытия, вековые устои, которые сами по себе суть величайшие достижения культуры, беспардонно объявляемые подчас «идиотизмом деревенской жизни».

Геноцид против крестьянства оставил на теле народа незаживающую рану. Она кровоточит до сих пор. От этого злодеяния власти официально отмежевались лишь совсем недавно. 14 августа 1990 г. опубликован президентский указ, где в частности, говорится: «Пятно несправедливости до сих пор не снято с советских людей, невинно пострадавших во время насильственной коллективизации, подвергнутых заключению, выселению с семьями в отдаленные районы без средств к существованию, без права голоса, даже без объявления срока лишения свободы» [2].

Становится еще горше, когда вспоминаешь в какой чередой событий все это оказалось. Несколькими годами перед тем страну терзали жестокие войны, впереди маячил зловетий 1937-й год, неотвратимо надвигалась еще одна гигантская сеча, разрушение дотла 1700 городов и 70 000 деревень. Есть ли берега у этого моря человеческих бед?

В книге судеб страны достаточно мрачных страниц. Истина, казалось бы, бесспорная. Однако находятся люди, которые рьяно против нее возражают, по поводу любого утверждения подобного рода они испуленно твердят: очернительство. Но разве может быть очернительством правда? Ведь она, по Достоевскому, выше России!

Мы никогда не выберемся из тупика, если у нас не достанет мужества сказать самим себе: главные вехи пройденного пути окрашены черным цветом. Более того. Нельзя допустить, чтобы на общем темном фоне стали невидимыми события и факты тоже безрадостные, но меньшего масштаба. Ибо невозможно понять целое, не разглядев детали, подробности. А понять — это означает спастись, это залог лучшей доли, лучшего будущего.

Итак, целое: культура обстреливалась со всех сторон. Недосягаемых зон не было. Находились резоны третировать за тяжкие идеологические грехи даже физиков [3] и математиков [4]. Под аккомпанемент речей о «всемерном развитии и расцвете» культуру выхолащивали, унижали, расхищали, изничтожали под корень. И право же, стоит поразмыслить о таких, например, подробностях.

Только за один день — 3 декабря 1929 г. — из Академии наук СССР было уволено 522 сотрудника. Суд и расправу над работниками аппарата академии вершили отнюдь не тогдашний ее президент А. П. Карпинский, не руководитель аппарата непременно

ный секретарь С. Ф. Ольденбург. Погром учинил член ЦКК—РКИ Ю. П. Фигатнер [5, с. 125—126]...

В дореволюционной Твери издавался «Зеленый журнал». А кроме того «Пахарь», «Сельский хозяин», «Тверской край», «Тверское жало». Ни одного журнала ныне здесь нет...

27 октября (9 ноября) 1917 г. Совнарком утвердил Декрет о печати. Через день он был опубликован. Подписал декрет В. И. Ленин. За два последующих месяца было закрыто 150 газет [6]. А в августе - сентябре 1918 г. периодические издания закрывались сотнями. Однако тем же декретом правительство не только предусматривало репрессивные меры, но и обещало в будущем «полную свободу печати в пределах ответственности перед судом». И вот дождались мы, наконец, светлого дня. Закон, устанавливающий свободу печати, вошел в силу 1 августа 1990 г. Минуло всего-на-всего семь десятилетий...

В Александровском саду, неподалеку от кремлевской стены, высится стелла. На ней высечены фамилии выдающихся мыслителей и революционеров: Маркс, Энгельс, Плеханов... В этом же ряду значится Н. К. Михайловский. Имя известное, у всех на слуху. С ним ожесточенно спорил В. И. Ленин. Ругал ругательски, но, случалось, — воздавал должное.* Хотите и вы, читатель, познакомиться с сочинениями Николая Константиновича? Похвальное желание, но почти неисполнимое. Можно на пальцах одной руки пересчитать библиотеки страны, которые располагают книгами Михайловского, изданными до революции. Иных попросту нет. Даже для специалистов Михайловский-мыслитель как бы не существует. Не издавался 72 года подряд. Лишь в пору хрущевской оттепели промелькнул томик литературно-критических статей. И все. Сброшен с парохода современности. Да разве он один? Им несть числа...

Константин Степанович Мельников прожил долгую жизнь (1890—1974). Он был всемирно признанным мастером, гениальным архитектором. Но число его работ невелико: павильон «Махорка» на первой Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке (1923), павильон СССР на Международной выставке декоративного искусства и промышленности в Париже (1925), клуб им. И. В. Русакова в Москве (1927—1929), собственный дом в Кривоарбатском переулке (1927—1929), клуб фабрики «Буревестник» (1929). А затем на сорок пять лет зодчий умолк. Что случилось? Обычное дело — К. С. Мельникова публично объявили формалистом и в стране одним архитектором стало меньше...

Надо ли продолжать этот бесконечный мартиролог? Каждый может вписать в него другие, еще более жуткие факты.

Невольно возникает вопрос: зачем понадобилась столь неутомимая, всепроникающая борьба с культурой? При всей сложности затронутого здесь феномена ответ, думается, очевиден. Конечно, тем самым нагнеталось чувство страха. Но не страх являл собой главную цель обскурантизма и насилия. То была своего рода дезактивация массового сознания. И небезуспешная. Люди в большинстве своем теряли способность к глубокому осмыслению происходящего, становились массой, удобной для властвования над нею командно-карательной системы и лично вождя народов, лучшего друга советских физкультурников.

Эти заметки начаты утверждением, в котором содержится негативный оттенок: много сейчас у нас в стране плакальщиков по отечественной культуре. Отрицательное к ним отношение вызывает тот факт, что на поверку оказывается — громче всех рыдают ныне вчерашние бесы, которым перестройка обломала рога и расшатала клыки. Чем больше становится подобных радетелей национального достоинства, тем сильнее

* Подробнее см. в очерке В. П. Балужева, который публикуется в этом номере.

желание восславить подлинных защитников культуры. Они возвышали голос протеста не задним числом, но били в набат едва прослышав о недобрых замыслах «тонкошеих вождей». Ниже мы впервые публикуем лишь несколько писем советских ученых, пытавшихся предотвратить вандализм. Да святятся имена тех, кому хватало мужества для каждого дня. кто рискуя жизнью и судьбою отстаивал правое дело.

В. А. ПОПОВ

ЛИТЕРАТУРА

1. Москва. М.: Мол. гвардия, 1948. С. 51.
2. Правда. 1990. 14 августа.
3. Вестник АН СССР. 1990. № 8.
4. Вестник АН СССР. 1989. № 4. С. 102-113.
5. Вестник АН СССР. 1990. № 4.
6. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1977. С. 152.

СЛОВО В ЗАЩИТУ КУЛЬТУРЫ

Письма советских ученых руководителям партии
и государства (1922—1934)

*Председателю ВЦИК РСФСР
М. И. КАЛИНИНУ,
нарком просвещения
А. В. ЛУНАЧАРСКОМУ,
заведующей отделов музеев Наркомпроса
Н. И. ТРОЦКОЙ
6 мая 1922 г.*

Российская Академия наук и Российская академия истории материальной культуры *, получив совершенно конкретное представление о способах, применяемых при изъятии церковных предметов материальной стоимости для сбора в пользу голодающих² без достаточно бережного отношения к художественно-исторической их ценности, спешит предупредить о необходимости принять срочные меры к обеспечению охраны памятников исключительного значения для истории общечеловеческой культуры.

Несоблюдение преподанных центральной властью инструкций³ грозит порчей и даже разрушением как отдельных выдающихся произведений искусства XVIII и первой половины XIX веков, представленного наиболее блестяще именно в Петрограде, созданий лучших русских и иностранных мастеров, так и их замечательных ансамблей. Антикультурное обращение с предметами высокой художественной ценности в то же время лишь препятствует достижению той цели, которую преследует Помгол, так как ясно, что выкуп таких предметов⁴ даст значительно больше денег, чем продажа сломанных и испорченных вещей на вес.

Молчание при ответственности, ложась на нашу компетенцию при виде происходящего, могло бы быть вменено нам в непростительную вину, более того в преступное нерадение, самой властью, и это сугубо побуждает нас теперь же предупредить Вас о необходимости в самом срочном порядке принять меры к тому, чтобы точно применялись данные центральной властью инструкции и таким образом были сохранены ценнейшие памятники искусства и были правильно осуществлены задачи Помгола.

Президент Российской академии наук
Председатель Российской академии
истории материальной культуры

А. Карпинский

А. Васильев

*ЛО ААН, ф. 2, оп. 1-1922, д. 12, лл. 2-2 об.
Машинописная копия.*

*Заключение Постоянной исторической
комиссии Академии наук⁵ на проект
застройки северной части
Охотнярской площади в Москве*

17 октября 1925 г.

Вопрос, возбужденный Музейным отделом Главнауки в отношении от 9 октября за № 12373⁶, должен вызвать серьезное внимание Академии наук. Дело идет о сохранении в г. Москве исторических памятников высокого значения на участке между Тверской улицей и Б. Дмитровкой против Охотного ряда и церкви Параскевы. Здесь в XVII в. находились усадьбы бояр, князей Голицыных и Троекуровых с каменными домами постройки XVII столетия. Ввиду того, что каменных строений того времени (не церквей) сохранилось вообще очень мало, а дома на данном участке сохранились особенно хорошо, казалось бы важным обеспечить в дальнейшем их целость и восстановить научной реставрацией их первоначальный вид. Но кроме этого общего соображения, в отношении дома князя В. В. Голицына, стоящего на этом участке, существует соображение особое. Его дом — своего рода уникум в истории русского бытового уклада, так как уцелела и полностью напечатана его подробнейшая опись 1689 г., занимающая более 60 больших печатных страниц и позволяющая до мелочей восстановить внутреннее расположение «палат» боярско-

го «большого двора» и отчасти вид всей боярской усадьбы *. Как видно из сообщения Главнауки, работы над реставрацией названного дома уже начаты и дали хорошие результаты. Истребить этот исключительный по значению культурный памятник было бы полным варварством, и академия не может иначе, как с полным осуждением отнестись к мысли о застройке данного усадебного места новыми зданиями⁷, для которых возможно было бы найти место в непосредственной близости, примерно у стены Китай-города, или на месте бывшего Тестовского дома, ничем в архитектурном отношении не замечательного, или же против Александровского сада на месте бывших рядов с гостиницею «Кремль».

С высказанной точки зрения надлежит поддержать те соображения, которые по настоящему делу изложены в отношении Главнауки от 9 октября. Они совершенно основательны как с исторической, так и с художественно-технической стороны.

Председатель Постоянной исторической комиссии
Академии наук СССР академик *Платонов*

ЛО ААН, ф. 2, оп. 1-1921, д. 1, лл. 69-70.
Машинописная копия.

*В Ленинградское отделение Главнауки
Наркомпроса
24 мая 1926 г.*

Мне, как и многим другим лицам, ежедневно приходится наблюдать варварское отношение несознательной части населения к памятнику Петра работы Фальконе **. Дети, подростки и даже молодые люди влезают на скалу, расшатавают змея, а некоторые ухитряются взбираться и до самой фигуры и делать здесь гимнастику. Не подлежит сомнению, что, при дальнейшем отсутствии охраны, созданию великого мастера грозит гибель, которая ляжет позорным пятном на всех нас. Не считая более возможным молчать, я обратился к содействию печати, чтобы привлечь по этому делу внимание власти и общества, и думаю, что такого рода обращение будет приветствовано и Ленинградским отделением Главнауки, поддержав его в трудной борьбе за целостность наших памятников. Надеюсь, что ЛОГ именно так и посмотрит на это обращение и, со своей стороны, поможет скорейшему осуществлению мер столь необходимой охраны.

Непременный секретарь, академик *Ольденбург*

ЛО ААН, ф. 2, оп. 1-1926, д. 1, лл. 43-43 об.
Машинописная копия.

* «Розыскные дела о Ф. Шакловитом и его сообщниках», том IV, СПб. 1893, ст. 1-184.

** Речь идет о «Медном всаднике». — В. С.

*В Главнауку
Наркомпроса*

19 января 1927 г.

Вследствие отношения от 13 января с. г. № 7217 по вопросу о предположенной сломке Красных ворот и церковей Гребневской и Рождественской в Столешниках, Академия наук СССР считает необходимым сообщить следующее.

Красные ворота в Москве были построены для коронационного въезда Елисаветы Петровны в 1742 г. на месте стоявших ранее там же деревянных ворот, тоже называвшихся «красными». Строителем этого архитектурного памятника был архитектор Дм. Ухтомский, по силе своего таланта почти не уступавший самому Расстрелли, о чем свидетельствуют сохранившиеся в архивах, к сожалению, не опубликованные до сего времени, чертежи и рисунки.

В 1763 г. эти ворота были капитально отремонтированы архитекторами и скульпторами Д. Ухтомским, Ив. Кутузовым и Дашковым, причем написанные Штелином аллегории были заменены скульптурными рельефами из белого камня работы резчика Зимина.

В Москве почти не сохранилось памятников пышной Елисаветинской эпохи, и Красные ворота составляют счастливое исключение. К тому же они связаны с именем зодчего Д. Ухтомского, деятельность которого еще не получила должного научного освещения, тогда как она имеет совершенно исключительное значение в истории русского зодчества. Дм. Ухтомский явился насадителем классических западно-европейских веяний в России. Из этой школы вышли многие крупные архитектурные силы и издания многих как оригинальных, так и переводных трудов по архитектуре.

Уничтожение такого замечательного архитектурного памятника, как Красные ворота, является безусловно недопустимым, тем более, что оно, казалось бы, не вызывается и действительными потребностями перепланировки. Замечено, что каждая площадь в городе имеет такую центральную точку, через которую движение совсем не проходит, и которая может быть названа мертвой; уличное движение, так сказать, обтекает эту точку. Вот почему такие центральные точки на площадях издавна служили местами для украшающих площадь сооружений: фонтанов (на Лубянской площади), скверов (на Серпуховской, Калужской, Кудринской площадях). Украшающим сооружением являются и Красные ворота, очень напоминающие Триумфальную арку на одной из площадей («Звезды») Парижа. Во всяком случае, если перепланировка площади требуется, то она должна быть произведена не за счет уничтожения этого редкого памятника русского зодчества, а за счет перепланировки примыкающих к площади участков жилого дома и с другой стороны пристройки XIX в. к церкви трех Святителей. Сломка же Красных ворот, по глубокому убеждению Академии наук, была бы равносильна сознательному уничтожению полотна крупного художника, ни при каких условиях недопустимому.

Церкви Рождества Богородицы в Столешниках и в особенности Гребневская церковь на углу Мясницкой и Лубянского проезда являются

*Церковь Параскевы в Охотном ряду
Снесена*

древнейшими памятниками церковного зодчества в Москве. Церковь в Столешниках построена в 1620 г. Начало Гребневской церкви относится к последней четверти XV века; церковь была построена великим князем Иваном III. Позже она переделывалась, но в главнейшей своей части здание относится к XVI в. По ее типу ее считают памятником искусства, который составляет переходный момент от Псковской церковной архитектуры к Московской, и в этом отношении, именно как уцелевший памятник, показывающий такой переход, она драгоценна для истории русского искусства. Уничтожение этого драгоценного памятника было бы невознаградивой утратой. Притом он занимает такую незначительную площадь, такой в сущности небольшой уголок, что его уничтожение несколько не расширит ни Мясницкой улицы, ни Лубянского проезда, и жертвовать таким памятником искусства, не достигая расширения проездов, было бы совершенно нецелесообразно. Равным образом, представляется недопустимым и уничтожение церкви в Столешниках, как одного из немногих памятников XVII в.

При этом было бы неправильно смотреть на сохранение памятников церковного зодчества, как на акт, в какой бы то ни было мере охраняющий церкви, как таковые. Как известно, памятников гражданской архи-

тектуры от более древнего времени у нас почти не сохранилось, т. к. большинство их были деревянные. Потому судить о росте художественного архитектурного творчества нашей страны возможно почти исключительно лишь по памятникам церковным. При таком условии уничтожение редких образцов церковного зодчества, несомненно, явилось бы тяжелым ударом для изучения нашей материальной культуры.

По всем изложенным основаниям, Академия наук СССР считает настоятельно необходимым возражать против состоявшегося постановления Московского Совета о сломке указанных выше памятников и выразить надежду, что Главнаукой будут приняты все меры к сохранению их в интересах науки и истории нашего искусства.

Непременный секретарь академик *Ольденбург*
Управляющий делами Конференций *Молас*⁸

ЛО ААН, ф. 2, оп. 1-1927, д. 1, лл. 3-4.
Машинописная копия.

Председателю Моссовета
К. В. УХАНОВУ

26 июня 1928 г.

Многоуважаемый Константин Васильевич!

По распоряжению Московского Совета, в настоящее время начинаются работы по сломке здания церкви Параскевы в Охотном ряду.

Поскольку этот вопрос получил уже окончательное разрешение, научным учреждениям, занимающимся изучением памятников старины, остается лишь принять срочные меры для научной фиксации указанного, подлежащего сломке, здания, которое является памятником исключительного значения.

Насколько известно Академии наук СССР, с этой целью Главнаука НКП РСФСР образовала особую комиссию, ведущую сейчас переговоры с Моссоветом по поводу проведения упомянутой научной фиксации, причем в интересах дела представлялось бы крайне важным, чтобы разработка здания велась по известному плану, согласованному с задачами фиксации. Соответственно с этим, в первую очередь возможно было бы удалить колокольню позднейшей постройки, а затем предоставить Комиссии Главнауки время и возможность обследования стен здания отбивкой штукатурки и выявлением всех деталей для их научной фиксации.

С своей стороны, Академия наук СССР может лишь в полной мере поддержать соображения Главнауки, считая фиксацию совершенно необходимой⁹.

Доводя о таком мнении Академии наук до Вашего сведения, считаю необходимым обратиться к Вам, от имени Президиума академии, с просьбой не отказать принять во внимание интересы научного обследования здания церкви Параскевы, согласовываясь с теми предположениями, какие намечены Главнаукой.

Искренне Вас уважающий

Сергей Ольденбург

ЛО ААН, ф. 2, оп. 1-1928, д. 1, лл. 57-57 об.
Машинописная копия.

*Наркому внешней
и внутренней торговли СССР*

А. И. МИКОЯНУ

10 мая 1928 г.

Многоуважаемый Анастасий Иванович!

Позвольте остановить Ваше внимание на вопросе, который чрезвычайно заботит научные и музейные круги. Я имею в виду ту широкую продажу за границу различных музейных ценностей, которая проводится за последнее время. Хотя в продажу назначаются лишь те художественные и исторические объекты наших музеев, которые не имеют первостепенного значения, но все же несомненно, что указанная мера значительно сокращает наши музейные фонды и именно в тот момент, когда переустройство наших музеев на совершенно новых основаниях открывает возможность расширения их культурной и научной работы, с открытием отделений и филиалов и с использованием их запасных фондов для просветительных целей во всех частях страны. Всем известно, что материальная польза, извлекаемая от продажи указанных объектов, весьма невелика. Дело идет, в конце концов, о сравнительно очень скромных суммах, которые, конечно, не могут явиться сколько-нибудь существенной поддержкой наших государственных ресурсов. Между тем, самый факт продажи за границу государственного имущества научно-культурного значения порождает тревогу в среде работников, которые все свои силы отдают музейному делу, но и среди более широких общественных кругов, причем тревога эта нередко вырождается во всевозможные неосновательные слухи. Но еще более сложным представляется этот вопрос, поскольку приходится оценивать и те суждения, какие существуют на этот счет за границей. Мне, как непремемному секретарю Академии наук СССР, уже четверть века несущему эти обязанности, приходится поддерживать постоянную и тесную связь с иностранными учеными и музейными кругами, и ко мне с разных сторон и от разных лиц поступают сведения, какое неблагоприятное впечатление производит там широкая продажа музейных ценностей. Мне не нужно говорить Вам о тех выводах, которые пытаются отсюда сделать лица, не только враждебно настроенные к нашей новой жизни, но и просто привыкшие к особой бережности в отношении государственных ценностей художественного и исторического значения, составляющих величайшее культурное достояние каждой страны.

Таким образом, рассматриваемая мера, без сколько-нибудь существенной выгоды для государственных финансов, создает явно неблагоприятное впечатление за границей, где только что стали с особенным вниманием и уважением присматриваться к нашей культурной работе после исторического Октября, вносит разлад в большую культурную деятельность наших музеев, наконец, порождает ненужную и вредную тревогу.

Как старый музейный деятель, особенно близко связанный с музейной работой послереволюционного времени, полагаю, что я не исполнил бы своего долга, если бы не остановил Вашего внимания на приведенных

выше обстоятельствах и соображениях. Дело это слишком важное и слишком больно отражающееся на наших культурных интересах. Вот почему я и решаюсь привлечь к нему Ваше внимание, тем более, что твердо убежден, что в данном случае происходит крупное недоразумение и что необходимы решительные меры для срочной его ликвидации.

Искренне Вас уважающий

Сергей Ольденбург

*ЛО ААН, ф. 2, оп. 1-1928, д. 1, лл. 47-47 об.
Машинописная рукопись.*

В СНК СССР

Начало 1934 г.

Обращаюсь к правительству, наверное, не один, должны же остаться еще порядочные люди (пусть безгласные) в моем отечестве. Весь я русский, все, что есть во мне, все вложено в меня моею русскою обстановкою, ее историей, ее великими людьми.

Ломать все русское — мучить меня, как других тоже чувствующих. Не может быть, чтобы уничтожение памятников великого прошлого, великого русского никого не тронет.

Как можно было без ломки русского сердца снести уничтожение памятника величественного 12-го года — Храма Спасителя. А теперь только что услышал — собираются разрушать Троицкий собор¹⁰ в Ленинграде — скромную деревянную церковку, где молился Петр Великий, чрезвычайная русская личность.

Кажется, если я не ошибаюсь, она горела, но восстановлена на том же месте в совершенно прежнем виде. Все равно — единственный памятник.

Голландия, чужая страна, бережет до сих пор домик, где работник Петр Великий, жил простым рабочим.

Тяжело, невыносимо тяжело сейчас на моей родине жить особенно русскому по национальности.

Ив. Павлов.

*ЛО ААН, ф. 259, оп. 1а, д. 9, лл. 2-2 об.
Автограф, черновик, карандаш.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российская академия истории материальной культуры (РАИМК) была создана в Петрограде в 1919 г. В 1926 г. преобразована в Государственную академию истории материальной культуры (ГАИМ). На ее основе был организован впоследствии Институт археологии АН СССР.

² В 1921 г. тяжелейший недород поразил восточные и поволжские губернии. 18 июля 1921 г. ВЦИК РСФСР образовал Центральную комиссию помощи голодающим (Помгол) под председательством М. И. Калинина. Она работала до 15 октября 1922 г.

³ Имеются в виду инструкции Наркомпроса РСФСР, которые предписывали не допускать порчи церковных ценностей, представляющих собой произведения искусства; предусматривалось, что изъятие ценностей возможно только после «предварительной экспертизы всех церковных памятников экспертами музейных отделов». Эти инструкции на местах чаще всего не выполнялись.

⁴ Инструкции Наркомпроса разрешали выкуп церковных реликвий самими верующими.

⁵ Постоянная историческая комиссия была создана при академии в 1903 г. В 20-е годы проводила большую работу по охране памятников истории и культуры.

⁶ Музейный отдел Главнауки просил руководство академии «высказать свое мнение по данному делу». Результатом явилось заключение, подписанное академиком С. Ф. Платоновым.

⁷ Упомянутые постройки (кроме дома Троекуровых) были снесены. На их месте в 1932—1936 гг. возведено здание Госплана СССР.

⁸ В марте 1927 г. Председателю СНК СССР А. И. Рыкову была направлена телеграмма: «Убедительно просим приостановить ломку исторического памятника Красных ворот, о чем писали Главнауке 19 января. Карпинский. Ольденбург. Марр». (ЛОААН, ф. 2, оп. 1-1926, д. 39, л. 68).

⁹ 4 июля 1928 г. Академией был получен ответ Президиума Моссовета, в котором говорилось, что обследование церкви Параскевы разрешается не нарушая темпа работ по сломке». (ЛО ААН, ф. 2, оп. 1-1928, д. 1, л. 61).

¹⁰ Церковь находилась на Троицкой площади. Ныне площадь Революции.

Публикация и примечания
кандидата исторических наук
В. С. СОБОЛЕВА